

18+

СЕГА САШИН

18+

СЛАБЫЙ ДА УЙДЕТ В ОГОНЬ.
СИЛЬНЫЙ ДА ОСТАНЕТСЯ В ТЕПЛЕ.
УРОДЛИВЫЙ ДА СГОРИТ.
ЧТОБЫ НЕ ПЛОДИЛ УРОДСТВО.
БОЛЬНОЙ ДА УМРЁТ.
ЧТОБЫ НЕ ЗАРАЖАЛ ЗДОРОВЫХ.
ТРУС ДА ПОГИБНЕТ.
ЧТОБЫ НЕ ПОЗОРИЛ ВОИНОВ.
ВРАГ ДА БУДЕТ УБИТ.
ЕГО ЖЕНЩИНЫ ДА СТАНУТ НАШИМИ.
ДЕТИ ДА ТРЕНИРУЮТСЯ С ДВУХ ЛЕТ.
КТО НЕ ВЫДЕРЖИТ — ДА СГОРИТ.
ВОИНЫ ДА УМИРАЮТ В БОЮ ИЛИ В ЛАВЕ.

АГНИ ВИДИТ ВСЕ.
АГНИ ПОМНИТ ВСЕ.
АГНИ ЖДЕТ СЛАБЫХ.

ПЕЩЕРЫ И СКАЛЬНЫЕ

Сега Сашин

**Пепел и скальпель. Мрачный
историко-мифологический роман**

«Издательские решения»

Сашин С.

Пепел и скальпель. Мрачный историко-мифологический роман /
С. Сашин — «Издательские решения»,

«Пепел и Скальпель» — мрачная историко-мифологическая трагедия о враче Арине Ветлицкой, похищенной племенем Агни, живущим в пещерах под вулканом. Она привозит с собой скальпель, европейскую медицину и веру в человеческую жизнь, но попадает в мир, где слабость бросают в огонь, знание добывают пленом, а закон важнее крови. Но за тайной племени — металлом, который они называют зубом Агни, — приходят европейские корабли. И тогда решится, что сильнее: имперский приказ, древний закон или память.

© Сашин С.

© Издательские решения

Содержание

18+	6
ПРОЛОГ. КРОВЬ ПО ЗАКОНУ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗУБЫ ВУЛКАНА	11
ГЛАВА 1. ЗУБЫ АГНИ	11
ГЛАВА 2. ПЛЕННИЦА	14
ГЛАВА 3. ТАНЦУЮЩИЕ ТЕНИ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пепел и скальпель

Мрачный историко-мифологический роман

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3730-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

18+

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Внимание: данное произведение предназначено только для лиц старше 18 лет.

Книга содержит сцены жестокого обращения с детьми, подробные медицинские описания операций, сцены насилия, убийств, казней, каннибализма. Автор не пропагандирует жестокость. Категорически не рекомендуется: беременным, лицам с травмой насилия, с депрессивными состояниями, с неустойчивой психикой.

Вы предупреждены.

*«Мы не люди. Мы — зубы вулкана. Мы кусаем, а он переваривает»
(из наскальных писем в Главном зале)*

ПРОЛОГ. КРОВЬ ПО ЗАКОНУ

Пещеры под вулканом Агни. Первый месяц зимы. За три года до прихода Арины. Серая Мышь — девятнадцать лет. Острый Клык — пятьдесят пять лет. Тихий Ветер — двенадцать лет.

Воздух в Главном зале был густым, тяжёлым, пропитанным серой, металлической пылью и сладковатым запахом старого огня. Этот запах никогда не выветривался, даже когда вулкан спал. Он въелся в камни, впитался в шкуры, пропитал одежду, волосы и кожу. Люди, рождённые здесь, не замечали его. Чужаки задыхались.

Тьма в пещерах была вязкой — она стекала по стенам, скапливалась в трещинах, поднималась к потолку, чтобы потом медленно, нехотя опуститься обратно. Свет шёл снизу — оранжевый, пульсирующий, горячий. Он пробивал тьму, как нож пробивает шкуру, вырывая из неё не рану, а саму жизнь.

Главный зал был вырублен не людьми — вулканом. Его свод уходил вверх на тридцать метров. С потолка свисали сталактиты — острые, как копья, готовые вонзиться в того, кто подойдёт слишком близко. Некоторые были тонкими, как иглы, и такими же опасными. Другие — толстыми, как брёвна, и опирались на пол, образуя естественные колонны, которые, казалось, держали на себе всю тяжесть горы.

В центре зала пульсировало озеро лавы. Оно было неправильной формы — как оспина на лице, как рваная рана, которую пытались зашить, но не смогли. В ширину оно достигало двадцати метров, в длину — тридцати пяти. Края его были белыми — там лава остывала до тысячи градусов и покрывалась тонкой, хрупкой коркой, по которой можно было пройти, если не задерживаться и не смотреть вниз. Ближе к середине белый цвет переходил в жёлтый, а в самом центре — в оранжевый, ослепительный, пульсирующий, как сердце.

Лава перекатывалась, пузырилась, выплёскивалась на берег и тут же отступала, оставляя после себя чёрную спекшуюся корку, которая шипела и дымилась. Звук, который издавало озеро, был низким, тяжёлым — уф-уф-уф. Он заполнял собой всё пространство зала, проникал в камни, стены, пол, потолок, заставляя дрожать сталактиты и осыпаться мелкий камень.

Вдоль края озера шла тропа. Узкая — шириной в два шага взрослого мужчины. С одной стороны — раскалённая лава, готовая сжечь за секунду и превратить человека в пепел. С другой — грубо вырубленная каменная стена, покрытая трещинами и выступами. Её не расширяли специально, хотя проход был главной артерией пещер, соединяющей жилые ниши, кухню и лазарет с Главным залом. Дело было не в лени. Узкая тропа была естественной защитой — один воин с копьём, встав в этом проходе, мог удержать натиск десятка врагов. Двое — полусотни. Трое — целого войска. Никто не предлагал расширить тропу. Никто не предлагал изменить закон.

Закон Агни был выбит на базальтовой плите у входа в зал. Плита была в три человеческих роста высотой и в два шириной — огромный чёрный монолит, который принесли откуда-то издалека, потому что здешний базальт был слишком пористым и не годился для письма. Поверхность плиты отполировали до зеркального блеска — не песком и водой, а языками, лбами, руками тех, кто приходил читать закон. Веками люди касались её, читали буквы, высеченные раскалённым железом, и гладили камень, пока он не стал гладким, как шлифованный мрамор.

Текст закона был высечен глубокими буквами — каждая размером с ладонь взрослого мужчины. В некоторых местах буквы были стёрты — слишком много людей касались их — но смысл всё ещё можно было прочесть. Закон гласил:

«Слабый да уйдёт в огонь. Сильный да останется в тепле.

Уродливый да сгорит, чтобы не плодил уродство.

Больной да умрёт, чтобы не заражал здоровых.
Трус да погибнет, чтобы не позорил воинов.
Враг да будет убит. Его женщины да станут нашими.
Дети да тренируются с двух лет. Кто не выдержит — да сгорит.
Воины да умирают в бою или в лаве.
Аgni видит всё. Аgni помнит всё. Аgni ждёт слабых».
Сегодня закон должен был исполнить вождь Острый Клык.

Он сидел на троне из застывшей лавы, положив босые ступни на медную подставку. Медь ковали три века назад, когда племя впервые нашло руду и научилось плавить её в лавовых печах. Подставка была тёмной от времени, но не потускневшей — её натирали пеплом каждую луну, и она блестела в отсветах лавы, как золотая. Трон был вырезан из цельного куска застывшей лавы — шершавого, чёрного, с острыми краями. На него нельзя было сесть, не зная, куда поставить ноги. Острый Клык знал каждую зазубрину, каждую трещину. Он сидел здесь двадцать семь лет.

Ему было пятьдесят пять лет. Два метра ростом, сто тридцать килограммов веса — не жира, мышц. Его грудь выступала рёбрами наружу, как кольчуга, — следствие тысячи приседаний с тяжёлыми камнями каждое утро. Каждое утро, начиная с двенадцати лет, он брал два камня, каждый весом с человеческую голову, и приседал с ними, пока ноги не начинали дрожать, а пот не заливал глаза. Потом он брал камни потяжелее. Потом ещё тяжелее. Теперь он приседал с камнями, которые не мог поднять ни один другой воин в племени.

Плечи его были круглыми, как валуны, — он мог поднять двух воинов на вытянутых руках и пройти с ними десять шагов, не сбивая дыхания. Руки были покрыты шрамами, идущими не хаотично, а строгими узорами. Двадцать семь шрамов. Двадцать семь врагов, убитых в рукопашной. Двадцать семь ночей, когда он не спал до утра, перемалывая в голове битву. Проигравший не имеет права на ошибку. Победитель обязан помнить каждое своё движение, каждое дыхание врага, каждую секунду боя. Иначе следующий враг может победить.

В левой руке Острый Клык сжимал копьё с железным наконечником — украденным у русских десять лет назад, перекованным в своей кузнице, закалённым в крови. Древко было из берёзы — берёза не растёт на склонах вулкана, берёзу принесли с равнины, украли у Лососей, убили за неё пять человек. Острый Клык помнил каждого из тех пятерых. В правой руке — плётка из шкуры медведя-людоеда. Тот медведь задрал троих воинов, прежде чем Острый Клык перегрыз ему горло. Он не использовал нож — только зубы и руки. Медведь был сильным противником, и его силу нужно было впитать, съесть, сделать своей. Потом Острый Клык съел его сердце, лёгкое и печень. Потом сшил плётку.

В глазах Острого Клыка не было ни жалости, ни радости, ни гнева. Только закон. И закон был для него важнее сына, важнее жёна, важнее собственной жизни.

Перед вождём, на коленях, стояла Серая Мышь. Девятнадцать лет, пятая жена кузнеца, нелюбимая, но не брошенная. Её тело было худым, жилистым, покрытым шрамами от искр, вылетающих из горна. На левой руке, от запястья до локтя, тянулся длинный неровный рубец — она уронила раскалённую полосу металла, и та проплавила кожу до кости. Она не закричала тогда. Не закричала и сейчас.

Сегодня она родила. Двойню. Оба мальчика. Роды были лёгкими — три часа, без криков, без помощи повитухи. Она перерезала пуповину сама, ножом, который прокипятила в горячем источнике. Выбросила послед. Обмыла детей в тёплой, пахнущей серой воде. Первый был мёртв — задушился пуповиной. Синий, холодный, с лицом, которое она не успела рассмотреть. Второй был жив.

Она держала его на руках, прижимала к груди, слушала его дыхание — частое, поверхностное, с влажным присвистом, с хрипом, с бульканьем. Она знала, что это значит. Кривая спина. Лёгкие не раскрылись, трахея забита слизью, воздух проходит с трудом, со свистом.

Если его оставить, он умрёт через несколько дней. От удушья. В муках. Если его бросить в лаву — умрёт через секунду. Быстро.

Она не знала, что лучше.

Шаман Хромой Корень стоял у входа в зал, опираясь на посох из застывшей лавы. Посох был выше его роста, на верхушке — вырезанная голова вулкана с раскрытой пастью. Хрому Корню было пятьдесят три года — чудовищный возраст для Детей Огня. После сорока уходили в лаву добровольно. Его тело не ушло. Потому что было нужно. Он давно не мог танцевать Танцующие Тени — колени сдавали, спина не разгибалась, дыхание прерывалось после трёх шагов. Но его разум помнил всё. Родословные за много веков. Расположение всех лавовых труб под всеми горами Камчатки. Законы, ритуалы, способы лечения травами, которые росли только на пепле.

Лицо Хромого Корня было изрезано шрамами. Через левую щеку проходил шрам от виска до подбородка — такой глубокий, что сквозь него можно было просунуть палец. Он сам нанёс его себе в день инициации — выжег раскалённым углём, чтобы никто не сомневался: этот человек не боится боли. Правый глаз вытек в прошлом году — лопнул сосуд от напряжения, когда шаман сутки вглядывался в лаву, пытаясь прочесть знаки. Он не жаловался. Он просто начал поворачиваться к собеседнику левым ухом, приподнимая голову, чтобы лучше слышать.

Седые волосы свалились в колтуны, пахнущие дымом и горькой травой — чемерицей, которую он пережёвывал каждый час, чтобы заглушить боль в суставах.

— Кривая спина, — сказал шаман. — Лёгкие не раскрылись. Ошибка пепла.

— Можно положить его в расщелину, — сказала Серая Мышь. Её голос был тихим, но твёрдым. — За пещерой с горячим источником. Я буду кормить его своей долей. Он не будет мешать другим. Он может стать лекарем. У кривых спин бывают сильные головы.

— Ты хочешь спрятать ошибку вулкана? — спросил Острый Клык. Голос его был спокоен — страшно спокоен.

— Я хочу дать ему жизнь.

— Ты не мать. Ты женщина. Матери растят воинов. Ты вырастила ошибку.

Она замолчала. Её губы дрожали. Она закусила их, чтобы не расплакаться. Слёзы здесь считались опаснее боли: их замечали, запоминали и карали.

— Принеси ребёнка, — сказал вождь.

Серая Мышь встала. Колени не дрожали. Она подошла к краю лавового озера.

Жар ударил в лицо — такой, что волосы начали сворачиваться в трубочки, брови обгорели за секунду, кожа на щеках покраснела, покрылась мелкими пузырями. Она не зажмурилась. Никто из стоящих за её спиной не зажмурился. Даже дети, которых учили не бояться огня, смотрели широко открытыми глазами. Запоминали закон. Учились исполнять его без содрогания.

— Агни, — сказала Серая Мышь. — Возьми то, что ты сломал. Дай нам целых.

Она разжала руки. Свёрток упал. Двадцать три метра до раскалённой поверхности. Мальчик не закричал — только сипнул громче, когда вдохнул дым. Его тело кувыркалось в воздухе — голова, ноги, голова, ноги — беспомощное, маленькое, невесомое.

Вспышка. Белая, яркая, как молния. Воздух на миг стал тяжелее, сера ударила в горло. Кто-то кашлянул. Только один — и тут же зажал рот рукой.

Серая Мышь стояла на краю три секунды. Никто не торопил её. Она повернулась и пошла к выходу. Никто не остановил её.

Через два месяца её отдали другому мужчине. Через год она родила двойню здоровых — оба выжили, оба стали воинами.

Племя не знало слова «травма». Оно знало слово «выживание».

Выживание держалось не только на ножах. В дальних холодных нишах коптили рыбу, в каменных ямах хранили вяленое мясо и корни, дым уходил через старые лавовые трубы, а

браки с пленницами и редкими союзными родами не давали крови замкнуться в самой себе. Агни казались безумными только тем, кто видел лаву. Тот, кто видел их запасы, понимал: это безумие было построено как крепость.

В толпе, прижавшись к стене, стоял мальчик. Тихий Ветер, единственный сын вождя, выживший из тринадцати братьев и сестёр. Он не плакал. Он смотрел.

* * *

Из дневника Арины Ветлицкой. Обложка.

Береста, обожжённая по краям. Чернила на жировой основе, выцвели, но читаются. Почерк каллиграфический, аккуратный — будто тот, кто писал, ещё верил, что его прочитают.

«Эту тетрадь я переписываю на тридцатый день своей жизни в племени, которое называет себя Агни-ка — Дети Огня. Первые записи я делала на обрывках бересты, углём, кровью, всем, что попадалось под руку. Теперь переносу их сюда, пока ещё помню, как начиналось безумие. Меня зовут Арина Ветлицкая, я врач, я из Петербурга, я училась в Лейдене.

Я думала, что еду изучать дикарей. Оказалось, дикари изучают меня. Они говорят на нескольких языках — русском, голландском, корякском, чукотском и ещё одном, которого я не знаю. Они плавят железо в печах, каких мой отец-металлург никогда не видел бы в Европе. Они знают травы, которых нет больше нигде.

Но у них нет хирургии. Они не умеют зашивать раны изнутри. Не умеют ампутировать. Не умеют останавливать кровь из крупных артерий.

Теперь они хотят научиться.

Если этот дневник когда-нибудь найдёт тот, кто говорит по-русски — прошу, передай его в Академию наук. Здесь есть знание, которое опаснее наших ружей.

1743 год от Рождества Христова. Пещеры под вулканом Агни, Камчатка.

Арина Ветлицкая».

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗУБЫ ВУЛКАНА

ГЛАВА 1. ЗУБЫ АГНИ

Тренировочный зал «Зубы Агни». Три года спустя после Пролога. Тихий Ветер — пятнадцать лет. Железный Корень ещё не родился.

В зале, который называли «Зубы Агни», никогда не было тихо. Шипение пара из трещин — низкое, шипящее, как у змеи, которую раздавили сапогом. Гул вулкана, доносящийся откуда-то из-под земли — ровный, пульсирующий, как сердце, как дыхание великана, спящего в недрах горы. Звон обсидиановых лезвий, когда дети задевали их ногами или случайно касались плечами — тонкий, стеклянный, похожий на звон разбитой посуды. И иногда — крики.

Крики тех, кто не успел перепрыгнуть, не удержал равновесие, не справился со страхом. Крики тех, кого уводили в коридор, ведущий к лавовому озеру. Крики обрывались быстро. Тишина наступала снова — ещё более плотная, ещё более тяжёлая, чем прежде. В этой тишине был слышен только гул вулкана, шипение пара и иногда — всхлипы. Но всхлипы быстро прекращались: здесь даже горе учили держать внутри.

Стены зала были покрыты чёрным блестящим налётом — застывшими слезами лавы, которые стекали по камню тысячи лет назад, когда Агни был молод и горяч. Теперь он спал, но его дыхание всё ещё ощущалось — горячее, влажное, отдающее серой и железом. Свод зала уходил вверх на десять метров — неровный, покрытый сталактитами, свисающими, как клыки. Некоторые из них были тонкими, как иглы, и такими же острыми — их нельзя было коснуться даже случайно, не распоров руку до кости. Другие — толстыми, как брёвна, и опирались на пол, образуя естественные колонны.

Между сталактитами, на разной высоте, были вбиты обсидиановые лезвия — осколки вулканического стекла, острые настолько, что прикосновение к ним оставляло порез, даже если лезвие казалось тупым. Лезвия торчали из камня горизонтально, вертикально, под углом — никакой системы, только хаос, в котором ребёнок должен был научиться ориентироваться. Между лезвиями висела сеть из верёвок — тонких, скользких, сплетённых из кишок убитых врагов. Верёвки были старыми, но прочными. На них висели дополнительные лезвия, нанизанные на них, как бусы.

Пол зала был неровным. Базальтовые плиты, наслоившиеся друг на друга за время извержений, сдвинулись, накренились, провалились в одних местах и вздыбились в других. Перепад высот между соседними плитами достигал полуметра — любой взрослый мог сломать ногу, ступив не туда. В девяти местах из трещин вырывался пар — струи, нагретые до восьмидесяти градусов, с шипением вылетающие из-под земли с такой силой, что могли отбросить назад взрослого мужчину. В трёх местах трещины были шире — в них можно было провалиться, если не смотреть под ноги. Глубина достигала пяти метров, на дне — снова пар и иногда лава. В одной трещине, в центре зала, текла лава — тонкая струйка, ярко-оранжевая, пульсирующая в такт дыханию вулкана.

Дети начинали тренироваться с двух лет. В два года ребёнка отнимали от груди и приводили в «Зубы Агни». Не чтобы тренировать — чтобы смотреть. Он сидел на руках у старшей девочки и наблюдал. Запоминал. В три года делал первый шаг по качающейся плите. Падал. Вставал. Шёл дальше. В четыре года перепрыгивал первую трещину с паром. В пять лет учился падать, перекатываясь через плечо. В шесть лет проходил полосу препятствий за двадцать ударов сердца. В семь лет начинал учиться убивать. Те, кто не успевал, исчезали. Их сбрасывали в лаву. Без имён.

Сегодня в зале было десять детей. От двух до шести лет. Они стояли на краю воронки босиком, в одних набедренных повязках. Их тела были покрыты синяками, ссадинами, мелкими ожогами — следами предыдущих тренировок. Самые старшие носили на шеях ожерелья из медвежьих клыков — по одному за каждого убитого зверя. Они не гордились. Они просто носили — как напоминание.

Самой маленькой была Тишина. Ей было два года. Мать умерла при родах, отец погиб в набеге на голландцев за неделю до её рождения. Девочку приняло племя — потому что она была здоровой. Кричала громко, ела жадно, спала мало. Никто не хотел её удочерить — лишний рот. Она росла сама, в общей нише, среди других сирот. Никто не жалел её.

Тишина была маленькой — не выше колена взрослого воина. Худой, как щепка, с острым ключицами. Её тело было покрыто синяками — следами вчерашней тренировки. Самый свежий синяк желтел на левом боку.

Кремневая Кость стояла на верхней площадке. Ей было двадцать три года. Её лицо было картой войны: нос сломан трижды и торчал в сторону, губа рассечена так, что улыбка превращалась в оскал, лоб пересекал глубокий шрам — удар топором, который она получила в первом набеге. Она выжила, убила врага, а потом сама зашила себе рану. Криво, но зашила.

Вместо правой груди у неё был впалый шрам. Медведь — старый самец, весом под четырёста килограммов — оставил его, когда ей было четырнадцать. Она шла на охоту с тремя воинами. Медведь вышел из берлоги раньше времени — снег растаял, зверь был голоден, зол, огромен. Двоих он убил почти сразу. Третий, молодой парень, кинулся наутёк. Кремневая Кость осталась одна.

Она дралась с медведем два часа. Без ножа — нож выпал в первой атаке. Голыми руками. Она била туда, куда учат бить только тех, кто уже не ждёт спасения. Медведь валил её на землю, прижимал к снегу, пытался раздавить весом. Она не кричала. К концу второго часа зверь выдохся. Кремневая Кость забралась ему на спину, обхватила шею ногами и держалась, пока он не затих.

Кремневая Кость слезла. Вытащила нож. Взяла у зверя то, что считалось его силой, и вернулась в пещеры сама. Едва стоя на ногах, с открытыми ранами, вывихнутым плечом и дыханием, которое рвалось на каждом шагу. Шаман посмотрел, покачал головой: «Умрёшь». — «Зашей». — «Чем?» — «Чем хочешь». Он зашил. Той же иглой, которой зашивал шкуры. Она не закричала. Через год она снова вышла на медведя. Уже не ради мяса — ради имени.

После того случая в племени её прозвали Кремневая Кость — потому что она была твёрдой, как камень, и острой, как лезвие.

— Стройся, — сказала Кремневая Кость. Голос её был низким, хриплым — после той драмы связки не восстановились до конца, и каждое слово звучало как камень, ударяющийся о камень.

Дети выстроились в шеренгу.

— Сегодня — падение с высоты. Тот, кто перепрыгнет трещину с левой и не заденет лезвий, получит мясо. Тот, кто не перепрыгнет, — уйдёт к вулкану.

Никто не вздрогнул.

Кремневая Кость ткнула пальцем в Тишину.

— Ты. Первая.

Тишина сделала шаг. Мир вокруг неё изменился. Её тело стало текучим. Она не ставила ноги на плиты — касалась кончиками пальцев. Бежала зигзагом. Первая трещина с паром — прыжок вверх, согнувшись. Горячий воздух опалил живот. Девочка не закричала.

Второй выступ был на уровне её пояса. Она подпрыгнула, ухватила за край, подтянулась, перекинула ноги. Теперь на высоте трёх метров. Узкий карниз — слева лезвия, справа пустота, внизу лава. Прошла, прижимаясь к стене. Лезвия царапали спину.

Впереди — трещина с лавой. Ширина — чуть больше метра. Разбежалась, толчок, прыжок. Тело вытянулось. Пальцы ног прошли в двух сантиметрах от оранжевой струи. Приземлилась, перекатилась, встала.

Восемнадцать ударов сердца.

— Мясо.

Тишина не улыбнулась. Пошла к костру, отрезала кусок, начала жевать. Кровь текла по подбородку.

— Следующий.

Из очереди шагнул мальчик. Корень. Пять лет. Сын охотника, погибшего в набеге. Широкие плечи, крепкие руки. Он побежал. Первые плиты прошёл легко. На третьей — ошибка. Плита качнулась вбок. Он упал на колено, ударился лицом о камень. Губа разбилась. Он закричал.

— Крик, — сказала Кремневая Кость. — Крик — слабость. Враг услышит — убьёт.

— Я не боюсь! — закричал мальчик, поднимаясь. — Это просто боль! Я могу терпеть!

— Если можешь терпеть — молчи. Ты закричал. Значит, не можешь.

Она спустилась, взяла его за шкурку, понесла к выходу. Мальчик вырывался. Кремневая Кость не остановилась. Крик оборвался.

— Следующий.

Остальные дети стояли и смотрели. Тишина отложила огрызок мяса, поднялась.

— Я готова пройти снова.

Кремневая Кость посмотрела на неё. В её глазах мелькнуло уважение.

— Беги.

Тишина побежала.

* * *

Из дневника Арины Ветлицкой. День 1.

«Я не буду писать «дорогой дневник». Мне некому его читать. Я пишу, чтобы не сойти с ума.

Меня похитили. Меня зовут Арина Ветлицкая. Я врач. Я училась в Лейдене. Там меня не называли студенткой: я сидела за ширмой, переписывала лекции и училась у тех, кто делал вид, что не замечает меня. Я оперировала матросов с гангреной, помогала рожать солдатским жёнам, вскрывала гнойники живота в полевых условиях. Я думала, что видела всё. Я ничего не видела.

Племя называется Агни-ка. Они живут в вулкане. У них есть закон: «Слабый уходит в огонь».

Сегодня я увидела то, что здесь, как оказалось, случалось до меня и будет случаться после меня: мать бросила своего новорождённого сына в лаву. Ребёнок был уродом. Она не плакала. Дети смотрели и не отводили глаз.

Я хотела закричать. Я зажала рот рукой и укусила себя до крови.

Арина.»

ГЛАВА 2. ПЛЕННИЦА

Первый месяц Арины в племени. Тихий Ветер — пятнадцать лет.

Арина проснулась от крика. Не от гула вулкана — к нему она уже привыкла. Крик был другим — высоким, пронзительным, нечеловеческим. Он отражался от стен, усиливаясь, превращаясь в вой. В нишу вошёл Тихий Ветер. Весь в крови.

— Голландцы. Корабль в бухте. Высадились вчера.

— Сколько?

— Сто шестнадцать.

— Сколько осталось?

— Четверо. Ушли на лодке.

— Наши потери?

— Семеро раненых. Убитых нет.

— Как это возможно?

— Они высадились не войском, а кусками. Половина ушла за водой, часть напилась, часть спала у костров. Мы били не сто шестнадцать сразу — мы били по десять, по пять, по одному. Четверо ушли только потому, что ветер унёс дым не туда и лодку заметили поздно.

Он сел на лежанку, стащил с себя грязную, пропитанную кровью рубаху. На левой руке зияла глубокая рваная рана.

— Снимай рубаху. Я зашью.

— Мы не умеем зашивать.

— Я умею. Покажи.

Она зашила его рану. Десять стежков. Тихий Ветер не издал ни звука.

— Где ты научился русскому?

— У пленного торговца. Якут. Он прожил у нас три года, учил детей.

— А голландскому?

— У пленного солдата. Он выжил после набега, согласился учить.

— Зачем вы держите пленных?

— Если пленный умеет что-то полезное — он учит нас. Учителей не убивают.

— А если пленный не умеет ничего полезного?

— Тогда он умирает.

— Зачем меня похитили?

— Мы умеем лечить всё, кроме одного — внутренних ран. Ты научишь нас.

— А если откажусь?

— Умрёшь.

Он встал и вышел. Арина осталась одна. Её руки не дрожали.

* * *

Той же ночью. Лазарет.

Тихий Ветер вернулся не один. За ним двое воинов тащили пленного — не голландца, камчадала из соседнего стойбища. Мужчина был стар, но не настолько, чтобы его жалели. На животе у него темнела рваная рана, из которой сочилась кровь и пахло кислым, уже начинающимся гниением.

— Лечи, — сказал Тихий Ветер.

— Он пленник.

— Он знает тропу к зимним рыбным ямам. Если выживет — научит нас. Если умрёт — его знание умрёт вместе с ним.

Арина посмотрела на старика. Тот не просил. Не стонал. Только держал руку на животе, будто хотел удержать собственную жизнь внутри.

— А если я откажусь?

Тихий Ветер положил на камень три вещи: её лейденский скальпель, окровавленную повязку и маленькую детскую кость, обгоревшую с одного края.

— Руки, которые лечат, — полезны. Руки, которые не лечат, — мясо. Закон прост.

— Это не закон. Это шантаж.

— Нет. Шантаж — когда у тебя есть выбор. У тебя есть только руки.

Она ненавидела его в этот миг так ясно, что ненависть стала почти спокойной. Потом взяла скальпель.

Рана оказалась глубже, чем казалась. Арина работала до рассвета. Промывала, вырезала мёртвую ткань, останавливала кровь, зашивала слой за слоем. Старик выжил.

Когда всё закончилось, Тихий Ветер сказал:

— Теперь ты понимаешь, почему мы тебя не убили.

— Потому что я полезна.

— Потому что ты опасна. Полезное можно заменить. Опасное — нужно держать рядом.

Арина не ответила. Она смотрела на свои руки. Они спасли человека и тем самым оставили ей жизнь.

В этом племени даже милосердие становилось сделкой.

* * *

Из дневника Арины Ветлицкой. День 14.

«Меня заставили оперировать. У воина была тяжёлая рана живота — копье прошло слишком глубоко. Я работала четыре часа. Он не закричал.

«Завтра охота на лося», — сказал он.

«Шов разойдётся — умрёшь за час».

«Умру — значит, умру».

Эти люди не боятся смерти. Они боятся только одного — стать бесполезными.

Я спросила у Тихого Ветра: «Вы не боитесь, что ваша цивилизация слишком жестока?»

«Наша цивилизация старше вашей. Мы видели, как рождались и умирали империи. Кто из нас прав?»

Я хотела возразить. Но промолчала.

Арина.»

ГЛАВА 3. ТАНЦУЮЩИЕ ТЕНИ

Третий месяц Арины в племени. Тихий Ветер — пятнадцать лет.

Арина стояла босиком на горячем камне. Её ноги были белыми от мозолей и ожогов — кожа слезала клочьями, обнажая розовую, болезненно-чувствительную плоть, которая ныла даже от лёгкого прикосновения воздуха. На камне были ожоги, на пальцах — свежие волдыри. Две недели назад она бы кричала от одного прикосновения к этим камням. Теперь стояла, переминаясь с пятки на носок, привыкая к жару, и не издавала ни звука.

— Ты слишком напряжена, — сказал Тихий Ветер. Он стоял на верхней площадке тренировочного зала, скрестив руки на груди. Его лицо было спокойным — как у человека, наблюдающего за работой кузнеца, ни одобрения, ни порицания. — Твои мышцы зажаты, как у зверя перед прыжком. Ты думаешь, что упадёшь — и падаешь.

— Я думаю, что выстою, — ответила Арина — и упала. Плита под левой ногой качнулась вперёд, она не успела перенести вес, колено с глухим стуком ударилось о камень, острый край пропорол кожу до крови. Она вздохнула — почти всхлипнула — и тут же зажала рот рукой, сдерживая крик. В племени крик слышали как признание слабости, а слабость здесь быстро становилась приговором.

— Ты думаешь неправильно, — сказал Тихий Ветер, спускаясь в зал. Он подошёл к ней, протянул руку. Она не взяла. Он пожал плечами, убрал руку, сел на корточки рядом. — Твои мысли отвлекают тебя. Когда ты думаешь, ты перестаёшь чувствовать тело. А тело знает, куда поставить ногу. Тело не ошибается. Ошибается только ум.

— Я врач. Я привыкла думать. Если я перестану думать, мои пациенты умрут. Мои руки перестанут слушаться. Я стану бесполезной.

— Здесь ты не врач. Здесь ты добыча. Добыча не думает. Добыча бежит.

Он встал, подошёл к ней сзади, положил руку ей на поясницу. Ладонь была горячей — горячее, чем камень под ногами.

— Чувствуешь? — спросил он.

— Ничего.

— Жди.

Они стояли молча. Секунда. Пять. Десять. Вулкан гудел — низко, ровно, как огромное сердце, качающее кровь по жилам земли. Гул передавался камням, камни — плитам, плиты — её ногам. Она не слышала его ушами — она чувствовала его каждой клеткой.

— Поднимается, — сказала она удивлённо, когда плита под правой ногой медленно, почти незаметно пошла вверх.

— Теперь опускается. Переноси вес на левую ногу.

Она перенесла. Плита замерла.

— Видишь? Ты не удерживаешь равновесие — ты следуешь за движением. Ты не борешься с землёй — ты используешь её. Ты не идёшь поперёк вулкана — ты идёшь вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.